

АЛЕКСАНДР ШПИЛИН

НА ДНЕПР – ПО РЫБУ

ВОСПОМИНАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК, 1962

АЛЕКСАНДР ШПИЛИН

НА ДНЕПР – ПО РЫБУ

ВОСПОМИНАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК, 1962

Игорю от дедушки

«Детство далёкое, детские годы,
Вас только вспомнишь ...
Улыбка и слёзы ...»

Вскоре по приезде в Переяславль на летние каникулы, после восторженной встречи с милыми друзьями: Колей, Стивой, Мотей, Женей, Федей и т. д., после того как вместе с Семёном* и приятелями трубежскими рыболовами были осмотрены и выложены все рыбные заводы и омыты на Трубеже, мы с Семёном начинали подумывать и приготовляться к походу на Днепр на серьёзную рыбную ловлю. Меня непреодолимо тянуло на Днепр и с каждым днём всё сильнее.

Еще дома, в часы скучных уроков в реальном училище, предо мною вставали дивные картины Днепра и с тоской и с нетерпением считал я долгие месяцы, недели и, наконец, дни, когда я увижу опять мой чудный Днепр.

Наконец этот день стал уже осозаем. Получено было уже и разрешение от нашей грозной тетушки. Но мои милые друзья, одни из них философы, поэты и композиторы — другие заправские охотники и собачники смотревшие на моё увлечение рыбной ловлей как на детскую забаву не могли, разумеется, разделить моей радости и принять участия в моём намерении. Для этой цели имел я особенного приятеля — Алотова.

Странный человек был этот Алотов. Воспитанник местной гимназии, моих лет, рослый блондин с широко открытыми, как-бы вечно удивлёнными глазами, он был страстным, восторженным любителем природы.

Светлую память о нем, как о моём учителе и наставнике в познании природы и любви к ней я сохраняю до сего дня.

В первый момент он производил странное впечатление на нового человека. От постоянного пребывания на воздухе и солнце, его загорелое лицо трескалось и шелушилось на носу и губах; из под старой гимназической фуражки с обломанным гербом, в беспорядке развивались светлые кудри. Одет он был тоже странно — всегда босой (хотя мы жили и встречались с ним только за городом), в старых заплатанных брюках и в белой, несве-

---

* Семёночка — принятый тёткой на воспитание мальчик.

жей, грубого полотна рубахе с вечно расстегнутым воротом.

Итак задумав итти на Днепр, мне необходимо было увидеть Алотова. Но это было не так просто. Я решил зайти к нему. Жил он со своей старушкой матерью тоже за городом не так далеко от нас. Уже в поле стояла маленькая «хатка» без загородки, без обычного садика, как говорится, «на ветру». Как и на какие средства жили Алотовы я не знал и он никогда мне об этом не говорил, но бедность сквозила изо всех углов их дома.

Прийдя к Алотовым и встретив милую старушку его матушку, я выражал желание видеть ее сына.

— «А как-же Вы его увидите? Я сама его никогда не вижу. Слышу только иногда ночью как он лезет в окно, а войду к нему в комнату — его уже нет. Только рыбки лежат на столе.»

Я писал ему записку и укреплял ее на окне:

— «Приехал. Желаю Вас видеть. Будьте добры зайдите.»

Проходило несколько дней. Поздно ночью меня будил лёгкий стук в окно. Это был Алотов.

— «А... приехали! На Днепр хотите? Ну что-ж пойдем. Куда хотите? На пристань? Прекрасно. Ждите меня, как всегда, у той хатки после девяти часов вечера. Прощайте!»

Мне хотелось поговорить с ним, я его не видел целый год, хотелось расспросить его о многом, многом... Выскочив вслед за ним я видел, как он шёл влево от нашего дома через греблю водяной мельницы в поле...

— «Алотов! Куда Вы? Ведь теперь ночь?»

— «Простите — спешу к леснику. Завтра поговорим».

От нас — до казенного леса, который тянулся к югу от города, вдоль Днепра — было верст 12-15.

Целый день мы с Семёничком готовились к походу. Подбирали удочки, для каждой рыбы особую: для щук, для сомов, а главное — заветную удочку осетровую. Бегали на Оболонь (луг вдоль реки Трубежа) копать красных, жирных червей; собирали провиант и весь день проводили в возбуждённом состоянии.

Из провианта брали: пшеничную крупу для — «рыбацкой каши», пару хороших кусков старого сала, соль, сухарей, чай, сахар и т. д. Всё это укладывалось в застинные мешки, для Семёничка в особый маленький. Брали по лёгкому одеялу, для Семёничка — опять таки

маленькому. Всё это укладывалось, перекладывалось, примерялось, так как дорога была не близкая, больше 12 вёрст и шли мы на несколько дней.

Одет я был как всегда: чёрные брюки, лёгкие сандалии на босую ногу и только вместо форменной — белой, одевал черную сатиновую рубаху; на голову — форменную фуражку реального училища. Так-же одет был и мой Семёничек, только часто он одевал широкую соломенную шляпу — «брыль», почему и походил на гриб.

Около 8 часов вечера нагруженные, с удочками за плечами, после предварительных грозных тетушкиных упрёков, наставлений и запрещений, сопровождаемые приветствиями, как обычно уже собравшихся к нам вечером многих гостей — мы трогались в путь.

Здесь необходимо заметить, что на Днепр — «по рыбу» ходят, но не ездят и ехать на подводе или извозчике — считалось для рыбаков «страшным позором».

Проїдя пригород, тянувшийся от нашего дома на север приблизительно на версту, мы в конце его сворачивали влево на шоссе — дамбу. От города к Днепру тянулась дамба, густо обсаженная с двух сторон старыми, древними вербами. По обеим сторонам её тянулись заливные луга и только слева они вскоре переходили в днепровские песчаные дюны с болотистыми затопями от весенних разливов могучего Днепра. В чудную лунную ночь дорога казалась легкой и приятной. На шоссе — ни души.

С лугов нёсся «бой перепелов», скрип дергачей; с затопей — звонкое лягушиное кваканье, свист крыльев запоздалых стаек диких уток и урюмые стоны бугаёв (выпей).

Около 9 часов вечера мы подходили к хатке обсаженной тополями. Здесь, кажется, когда-то был шлагбаум. Тут на шоссе, у канавы под вербами, мы с Семёничком делали привал и поджидая Алотова перекусывали. Проходило полчаса, иногда час и — вдруг, совершенно неожиданно, как привидение, с левой тропинки ведущей далеко к Трубежу — выскачивал Алотов. Как всегда — босой, налегке т. е. без какого либо багажа, как всегда — весёлый, бодрый, энергичный. На моё предложение перекусить, Алотов обычно отвечал:

— «Прийдём на место, там сварим чего-нибудь».

Эта дорога к Днепру с Алотовым осталась навсегда лучшим воспоминанием моей жизни. Удивительный

знаток природы, он знал каждую травку, каждое дерево, крик каждой птицы. Обо всём он рассказывал восторженно с воодушевлением.

Алотов научил меня любить и распознавать чудеса природы. К сожалению его рассказы часто прерывались его постоянным исчезновением. Вдруг — не догоvorив слова он исчезал влево или вправо и также неожиданно высакивал опять на шоссе где-нибудь впереди или позади нас.

— «Хотите посмотреть гнездо скоп?» — предлагал Алотов.

Побросав у канавы наши мешки, удочки и сандалии, высоко закатав, по примеру Алотова наши брюки, мы все втроём неслась через песчаные дюны, брели, завязав в тине через болота и затопи к далеко видневшейся группе деревьев. Тихонько подойдя к «гайочку», высоко на дереве мы видели гнездо и в нём, освещённом лунным светом, сидели нахолившись два тёмно-белые чучела. Вонь вокруг стояла невыносимая.

— «Разбойник птица — бьёт хорошую рыбу», — шептал Алотов.

Но по тем жестам которыми он просил нас вести себя тихо, видно было, что он любил и этих «разбойников».

Скопы или речные орлы часто встречаются по берегам Днепра. Питаются они рыбой, которую ловят на лету с воды, причём к неудовольствию рыбаков выбидают самую большую и особенно ценную. Хуже, от этой рыбы они пожирают только верхнюю часть, а оставшее бросают за гнездо. От массы разлагающихся остатков рыбы возле скопиных гнёзд, обычно, стоит невыносимая вонь.

Отплевываясь от этой вони, давя ногами мирных, ни в чём неповинных лягушек, мы тем-же путём, грязные и мокрые возвращались снова на шоссе. Оторвав от ног гадких пиявок-кровопиек, мы продолжали дальше наш путь.

Алотов обещает показать нам красавицу пурпурную цаплю (чепуру), гнездо лебедей и... самое главное — вечернюю пляску журавлей. Предстоит масса удовольствий...

Но и эта дорога к Днепру в лунную, тёплую ночь, при этой торжественной тишине «украинской ночи», разве это уже не удовольствие?

Как часто в училище, во время нудных уроков «синтаксиса», мучила меня эта дивная картина и, Боже мой, как дорого она мне стоила «единицами и карцерами» за «невнимание».

Но вот потянуло свежестью... Мы подходили к Днепру. Далеко, далеко сзади нас по шоссе — слышен был отдалённых стук колёс — это вереница извозчиков везёт пассажиров к прибывающим пароходам.

Вдруг, из-за деревьев блеснула широкая, серебряная полоса — ДНЕПР!

Ещё один поворот и мы у Днепра. Оставив шоссе мы идём вправо — к заливу. Выше пристани лежал довольно длинный, но не очень широкий днепровский залив.

Наша т. е. южная его сторона густо обсажена была старыми ивами и вербами.

Залив был очень глубокий с невысоким, но крутым нашим берегом и отлогим, песчаным северным.

Своим концом залив переходил в заливной луг. Весной в этот залив загоняли приходившие сверху плоты, которые и стояли как раз под нашим берегом. Это было идеальное место для рыбной ловли. Утомленная быстрым днепровским течением большая рыба охотно заходила в этот залив отдохнуть, отстояться и покормиться. Залив был полон мелкой рыбой. Дно его было то чисто песчаное, то илистое, а к концу — к заливному лугу — богатое рыбными кормовыми припасами. Даже и тогда, когда по Днепру шла большая волна, в заливе, большей частью, было спокойно. Особенно охотно заходила большая рыба под плоты. С этих плотов мы и забрасывали наши удочки.

Мы на Днепре! Освещённая торжественно спокойным сиянием луны, перед нами развёртывается громадная, необозримая водная площадь.

Далеко, далеко — на другом берегу чернеют громадные, покрытые лесом горы. По долинам виднеются малюсенькие белые пятнышки — это хатки...

Тихо и ласково плещут волны прибоя, тихо и нежно, как отдалённые звуки свирели — журчит под плотами вода...

Дивная, незабываемая картина Днепра в лунную ночь!

Это она вдохновила Гоголя:

— «Чуден Днепр и при тёплой летней ночи, когда всё засыпает — и человек и зверь и птица, а Бог один

величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплятся звёзды; звёзды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в тёмном ложе своём ни одна не убежит от него — разве погаснет на небе; чёрный лес и древле разломанные горы, свесясь, силятся закрыть его хотя длинною тенью своею — напрасно! Нет, ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и среди ночи, как среди дня, виден столько в даль, за сколько может видеть человеческое око. Нежась и прижимаясь к берегам от ночного холода, даёт он по себе серебряную струю, и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли, а он синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки равной ему в мире!»

Как жаль, что сейчас нет времени любоваться этой божественной картиной! Но впереди ещё довольно ночей.

Прибыв на место т. е. к крайнему, к руслу Днепра, плоту, мы выбирали себе местожительство на несколько дней. На берегу под вербами разводили костер, на него ставили наш «казанок» с водой и начинали варить, — «рыбацкую кашу».

В это-же время, так как была уже глубокая ночь, мы устанавливали наши сомовые удочки. На костре поджаривали куски сала, насаживали их на крепкие сомовые крючки и забрасывали удочки в Днепр.

Здесь необходимо сказать несколько слов о наших сомовых удочках. Они представляли собой удлинённую плоскую катушку, на которую наматывался крепкий, так называемый, «английский» шпагат. На конце его уреплялся крепкий двойной или тройной крючёк с легким грузилом. Длина шпагата имела несколько десятков аршин. Забросив наживу и отпустив требуемую длину шпагата, часть его наматывали на крепкую деревянную рогатку, которую и укрепляли на плоту. На эту рогатку привешивали маленький колокольчик.

Ночью, на плоту у рогатки мы укладывались спать и, если случалось, что колокольчик начинал звонить — это означало, что сом брал наживу.

Обычно, за этим занятием нас заставали отдалённые, хриплые, позывные гудки парохода.

— «Александр бежит снизу» — сообщал Алотов.

Удивительно — Алотов знал все позывные гудки не только пароходов, но и многих больших барж. Бывало спросишь:

— «А это что гудит?» — «Кажется Чайка» — Смотришь — действительно плывёт большая баржа «Чайка».

Оставив наши сомовые удочки, недоварившуюся кашу, подбросив дров в костёр — мы стремительно бежали к пристани. Пристань была недалеко позади нас. Она представляла собой довольно большую, закрытую баржу со входом и выходом посредине, с помещениями для служащих и ожидающих пассажиров. Тяжелыми якорями и цепями она прикреплена была к берегу и сообщалась с ним небольшим мостом.

Здесь можно судить о той глубине, которую имел Днепр сразу-же у нашего берега, если тут-же, почти у его края приставали громадные пароходы.

Когда мы подбегали к пристани, то видели, как — весь залитой огнями, пылая клубами дыма, гремя цепями и грозно, сердито бросая пеной — тяжело и трудно — борясь с сильным течением, медленно подходил снизу огромный пароход: «Александр III», или «Екатерина В.» или «Пётр В.»

— «Ход назад». — «Полный ход вперед» — слышалась команда капитана в рупор.

Гремели цепи, бросали якоря, канаты, тянули мост и пароход «ошвартовывался».

Так как все служащие на пристани были наши приятели, а особенно наш опекун и доверенный нашей грозной тетушки — старший матрос Михайло, то мы могли свободно входить на пристававший пароход.

Эти посещения пароходов, особенно после двух-трёх дневного пребывания на пустынном Днепре, когда бывало целыми днями не видишь живого человека и погружаешься в первобытную жизнь — были для нас одним из приятных развлечений.

Пароходы всегда были полны народа: крестьяне, мелкий торговый люд, но всего больше паломников едущих в Киев на богомолье или-же возвращающихся обратно.

Большинство спало просто на полу; все проходы и часть верхней палубы завалены были спящими людьми.

ми, корзинами и узлами. Во втором и первом классах ехали «господа».

От паровых котлов в самом пароходе стояла невыносимая жара и духота. Взойдя на пароход нас обдавал сразу же запах кухни, расположенной при входе. Пахло чем-то очень и очень вкусным, чем-то жареным, смешанным с сильным ароматом апельсин и лимонов. В кухне гремели посудой.

Переступая через спящих, через узлы и корзины, мы проходили вдоль кают первого и второго класса. В общей каюте второго класса чинно дремали или попивали чаёк «господа» в дорожных костюмах. Проходя вдоль кают первого класса, нас встречал тонкий аромат чудных духов, шуршал шёлк, мелькали красивые дамы и очень важные господа.

В передней части верхней палубы стояли освещённые столики, за ними «господа и дамы». Метались тяжело нагруженные лакеи и опять тот-же раздражающий запах чего-то очень и очень вкусного.

— «Эй, которые из наших — выкыдайся», — ревел наш Михайло, уже получивший от капитана хороший стакан водки.

Только отходил этот пароход, как наверху опять хрюпло, надрываясь, гудел уже другой.

— «Катырынка бижыть» — обдавая крепким запахом водки сообщал Михайло.

Опять залитой огнями остров, снова: — «полный ход назад». — «Ход вперед»... Опять — вкусный запах кухни — дивный аромат духов...

Снова: — «Эй... которые из наших выкыдайся»...

И... видение исчезало...

В первый момент контраст был ошеломляющий.

Исчезал какой-то блестящий, загадочный мир, приходил он откуда-то из далёка, далёка и — уходил куда-то далеко, далеко... Оставались — мрак и тишина...

Встревоженный Днепр сердито бросал ещё волны на берег, но вскоре и он и всё окружающее успокаивалось и... засыпало...

Мы возвращались к нашему плоту. Костёр догонал... Наша каша варилась и... переварилась. Разжигали снова костёр и — голодные и усталые принимались за еду.

Ах!... и какая-же вкусная была наша каша! Забывались все ароматы пароходной кухни и через несколько минут от каши ничего в казанке не оставалось.

Сразу-же, в том-же казанке ставили воду на чай. Чай сильно отдавал старым салом и рыбой, но с размоченным черным сухарём, он казался совсем не хуже домашнего тортом.

Было очень поздно. Мы приготавляли себе постель. Срывали мелкие ветки верб и лозы и устилали наше ложе на плоту.

Идя с пристани, мы брали у наших приятелей извозчиков хороший сноп сена, главное для подушки. Подстелив маленькое одеяло Семёна, моё оставляли для покрытия.

Обычно, Михайло приносил нам свой «кожух» (попушубок) — «щоб оно не замёрзло». Оно — означало Семёна.

Но этот кожух до такой степени был пропитан махоркой и водкой, что у нас от чихания начинали болеть носы и мы предпочитали лучше помёрзнуть, чем пользоваться Михайловой любезностью.

Пересмотрев наши сомовые удочки и проверив колокольчики — ложились спать.

Иногда случалось, что прийдя с пристани находили на крючке сомочка, сома, а иногда и хорошую щуку.

Алотов тоже ложился с нами, но потом, как обычно исчезал. Мы с Семёном уставливались спать поочерёдно, чтобы следить за ночными удочками. Но этот уговор был действителен для Семёна только до того момента, пока он не засыпал. Раз он заснул, то все договоры и обязательства с его стороны считались недействительными.

Я имел намерение просыпаться, но в первую ночь усталость была так велика, что обычно засыпал немедленно.

Ночи были тёплые, мягкие и только под утро нас продёргивало холодком.

С восходом солнца я просыпался. Дивная, божественная картина развертывалась перед моими глазами.

Освещённый яркими лучами восходящего солнца, предо мной блестал могучий Днепр во всей своей дивной красоте.

Далеко, далеко — на противоположном берегу громоздились высокие, покрытые лесом горы. По до-

лиnam виднелись зелёные лужайки с маленькими белыми хатками.

Было так далеко, что людей на другом берегу не было видно. Редкие рыбачьи лодочки, ближе к другому берегу, казались малюсенькими скорлупочками.

Тихо — один за другим, далеко, посреди Днепра, проплывали плоты; на них виднелись люди, над очагом вился дымок.

Даже тяжело нагруженные баржи плыли тихо, тихо — как-бы боялись нарушить эту торжественную тишину.

Поскольку мне приходилось видеть, то нигде, за исключением дельты, Днепр не имеет такой огромной ширины, как под Переяславлем. Я не знаю как широк был здесь Днепр: одна, две версты или больше.

Эта громадная площадь воды, освещенная восходящим солнцем и обрамлённая чудной панорамой противоположного горного берега, представляла незабываемую картину.

Только один Гоголь нашёл заветные слова, чтобы описать её:

— «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнёт, ни прогремит: глядиш и не знаешь идёт или не идёт его величавая ширина, и чудится, будто он весь вылит из стекла, будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину и без конца в длину — реет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеть с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод и прибрежным лесам ярко отразиться в волнах. Зеленокудрые! Они толпятся вместе с полевыми цветами к волнам и наклонившись глядят в них и не наглядятся и не налюбуются светлым своим зраком и усмехаются ему и приветствуют его кивая ветвями, в середину-же Днепра они не смеют глядеть; никто, кроме солнца и голубого неба не глядит в него; редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! Ему нет равной реки в мире!»

Но вот, вдруг, проснулся Семёнич. Его бурная энергия сразу-же нарушила величавую торжественность картины. Далеко по Днепру разнеслись его смех, крики и требование немедленного купания. Быстро раздевшись — мы бросались в воду. Со сна прохладная утренняя вода жгла тело. Бодрые и весёлые высакивали мы из воды и принимались варить чай.

— «Ты чего-же гремиши костями — рыбу в Днепре пугаешь!» — кричал я Семёнику вытанцовывавшему у костра негритянский танец и от дрожи щёлкавшего зубами.

Раннее утро самое важное время для рыбной ловли. Разобрав наши удочки мы расходились по нашим излюбленным местам. Наступала опять тишина.

Но очарованный дивной картиной Днепра, часто забывал я и про рыбную ловлю.

Бывало очнёшься — и наживки нет и крючка нет и самой удочки нет — уплыла...

Бросишь удочки и пойдёшь бродить по берегу. Смотришь на Днепр и не насмотримся, любуешься и не налюбуешься!

От наплыва чувств, не имея возможности выразить их в какой либо форме, шепчешь бывало в умилении, как молитву, дивные слова Гоголя...

Но вот опять Семёник! Тащит днепровского великаны и верещит как недорезанный поросёнок на весь Днепр.

В Днепре, в моё время, было достаточно рыбы и ловить её было не трудно. Поймать в Трубеже фунтового окуня — считалось геройством; поймать в Днепре вдвое большего — не представляло для нас интереса. Нас интересовала другая рыба, а главное заветная рыбка — осётёрчик.

К сожалению, то время, которое воспевалось днепровскими рыбаками:

— «Эх ты Днепр ты наш широкий

Ты кормилец наш родной...

Мы при помощи Перуна лодку рыбой нагрузим

И наловим для продажи серебристых осетров...

Это время давно уже прошло. В наших краях осетры попадались редко.

И вот эта-то рыбка и была нашей мечтой. Но где, когда и как её можно было поймать — об этом знал только один Алотов. И поскольку я припоминаю мне так и не удалось поймать ни одного осетра.

Из других рыб нас интересовал судачёк-«простачёк» и иногда попадались приличные экземпляры. Ловить его было не трудно, только бы подошёл под плот.

Хитрый лещ — это другое дело. Попадались великаны и вытащить такого было не так просто. Дальше шли щуки и наконец — самое главное: сомы. Всё остальное нас не интересовало.

За ужением проходило утро. Около восьми часов утра мы прекращали ловлю. В это время большая рыба переставала брать. Мы сами чувствовали голод, а главное — в это время, обычно, к нам приходили гости — наши приятели извозчики и их нужно было накормить.

Наш казанок хватал на нас троих, но для одного хорошего извозчика — он был как раз в пору. А так как таких «гостей» приходило несколько — мы имели много работы.

— «Ей Семёнчик! Тащи ершай!

Через несколько минут казанок был полон ершами и все наши руки в крови. Под плотами ерши стояли тучами и мы их не ловили, а тащили этих колючих обжор на одного червяка по десятку. Ерш, как известно, берет жадно и часто заглатывает крючек. Вытаскивание крючка из пасти, как и чистка ершай — неприятная работа. Но ерши — необходимая приправа для «рыбацкой каши».

Костёр наш горел хорошо, каша варилась быстро и наши гости насыщались.

Через этих приятелей-извозчиков мы передавали домой рыбу, но только небольшую, так как по мнению тётушки большие щуки и сомы питаются только утопленниками.

Эти-же приятели привозили нам провизию из дома.

Около 12 ч. мы обедали сами и ложились спать. Сон ночью урывками и при том короткий — был недостаточным. К тому-же в это время на Днепре ничего особенно интересного не было.

Поскольку утром Днепр — торжественно величавый; вечером — спокойно задумчив и ночью — волшебно чарующий, постольку днём он выглядел сурово могучим.

Как и на море — цвет воды часто меняется, из голубого или серебряного он делается зеленовато свинцовым.

От чуть крепкого ветерка — сразу поднимаются волны и начинают беспокойно биться о берег. А чуть только покрепнет ветер — волны сразу-же, как боевой знак, одевают белые гребни и... с грохотом валятся на берег...

Неутен тогда Днепр!

Наш низкий берег, сам по себе пустынный, песчаный, с редкими невысокими порослями лозы, без признаков жизни сколько обнимает взор, вернее до самого

города, выглядел днём особенно неприветливым, но всё так же, прекрасен оставался противоположный горный, правый берег Днепра.

К тому-же около полудня начиналась жара. Песок накалялся, жарко было даже от воды. Мы вылезали на берег, залезали под вербы и лозы и там засыпали.

Около четырех часов дня пили чай и затем предпринимали экскурсии: к «Старику Днепру» или на «тот берег», или ещё куда либо.

Вечерняя ловля кончалась с заходом солнца и начинались приготовления к ночной ловле.

После восьми часов мы все собирались у костра, варили ужин и пили чай.

С пристани приходил Михайло. Старик матрос, но всё ещё богатырского сложения, он очень похож был на медведя, как по виду так и по добродушному характеру.

Михайло долго служил во флоте, много раз «ходил в дальнюю» и много рассказывал нам чудес о морях и океанах, о далёких странах и народах.

К сожалению его специальный «флотский язык» — вернее странная комбинация русско-украинского языка, часто были причиной того, что мы не могли определить, даже приблизительно, где-бы могла находиться такая страна или народ о которых рассказывал нам Михайло.

Что «Апония» могла быть Японией, об этом легко было догадаться, но что не совсем приличное сочетание русского и украинского слов должно было обозначать гавань в Японии — это казалось нам странным.

— «Может быть эта гавань называется Нагассаки?» — пробовали мы поправить Михайла.

— «Нет», — утверждал Михайло — «такой гавани нет в Апонии — гавань называется Нога-й-с..ки».

Чтобы не обидеть Михайла мы соглашались с ним, что географию нужно изучать «на флоте», но не в гимназиях или реальных училищах.

Кроме того, нас немного огорчало то, что Михайло с некоторым пренебрежением говорил о Днепре.

— «Та шож Днепр — ричка как ричка! Вот окиян ричка — дак это ричка!»

— «Океан не есть речка» — протестовали мы.

— «Как ны ричка? А шож оно такое? Раз тыкьёт — значить ричка».

Также и о днепровских пароходах Михайло был не высокого мнения.

— «Ну... Олександр — еще куды», а остальные — «дак рази то пароходы? — Вот на ричке-окияне пароходы — дак то пароходы!»...

По секрету — никакой разницы между большими днепровскими пароходами не было и если была, то только та, что от капитана «Александра III» — Михайло получал больший стакан водки, чем от других.

Мы конечно знали, вернее чувствовали нашими душами, что всё это Михайло говорил только «к слову», что в действительности он любит и Днепр и каждый пароход не меньше нашего.

Мы чувствовали, что Михайло неотделим от Днепра, что без Днепра не может быть Михайла и без Михайла — не может быть Днепра.

Без сомнения, если-бы не было Михайла, многое, очень многое из нашего пребывания на Днепре потеряло-бы всю свою прелесть и смысл.

Кроме того, нас и отпускали на Днепр только потому, что там был Михайло. От тётушки он имел поручение строго смотреть за нами.

Со всем усердием старого служаки он и пытался исполнить это поручение.

Итак — мы жили с Михайлом в большой дружбе, но, разумеется, только до того момента, пока мы не выкидывали какого-нибудь фокуса, которого не выдерживали даже его медвежьи нервы.

В большинстве случаев — дело кончалось только угрозами.

— «Пошли вон з Дніпра! Паскудни поросята! Сейчас біжу до тётушки — она понабывает вам с...ки! Чаще доставалось Семёничу.

— «Ой Семёниончик — не жартуй! Вхопить тебя сом — только косточки твои пожуйть и выплюнет».

Но иногда Михайло «свирепел». В таком случае, по примеру станюковичского адмирала (видно это действительно была типичная флотская привычка) — он бросал свою матроску на землю, неистово топтал её ногами и при этом ревел на весь Днепр как обезумевший медведь.

В этом случае дело принимало другой оборот.

Как пример «свирепения» Михайла припоминаю такой случай.

Как-то Алотов сказал мне:

— «Мне нужно на ту сторону, к ночи я вернусь».

— «А как Вы поедете?» — спрашиваю я.

— «Ехать? Зачем ехать? Я просто поплыву».

Мне показалось что Алотов шутит, ибо — разве можно переплыть Днепр? Но тут я вспомнил, что в городе давно слыхал об этом геройстве Алотова.

— «Послушайте Алотов, мне так хочется побывать на том берегу, нельзя-ли взять лодку?»

— «Да — но где Вы возьмёте лодку?»

— «А у Михайла» — говорю я.

— «Вы что-же шутите? Разве Михайло даст Вам лодку? Плеваться и реветь будет на весь Днепр».

— «А пусть плюется! Возьмём на мою ответственность».

— «Ну — как хотите», согласился Алотов.

Но тут я вспомнил о Семёнчике.

— «Да, но как мы оставим Семёнчика одного?»

— «А возьмём и его с нами» — говорит Алотов, «кстати без рулевого будет трудно».

Но на это я не мог согласиться. Я не мог взять на себя ответственности, а вдруг что-нибудь случится.

— «Как, Вы изволите беспокоиться о Семёне?» — удивлённо спросил Алотов, — «Да Вы его в океане топите — всё равно не утопите. Ведь он как кошка».

Но я не соглашался и решил осторожно поговорить с Семёнчиком и убедить его «разрешить нам» поехать на ту сторону, а он-бы тем временем отвлёк-бы Михайла.

Но — о ужас! Только мы об этом заикнулись, как Семёнчик сразу-же понял о чём идёт речь.

Сразу-же, по своей дрянной привычке — от радости или от горя бросаться на землю и либо захлёбываться от смеха, либо верещать как недорезанный поросёнок — он в ту же минуту принялся за второе. Катается по земле, визжит и кричит:

— «Как Вы смеете оставлять меня — да я сейчас-же поплыву за Вами!»

Дрянной мальчионка! Нам стоило большого труда успокоить его и я согласился взять и его с нами.

На щеках слёзы, а он уже захлёбывается от смеха и радости.

Но теперь перед нами встало задание: как взять лодку, чтобы Михайло или кто нибудь с пристани не заметили этого.

В это время, во втором часу дня пароходы не приходили и на пристани, обычно, все спали. Мы послали Семёнчика разведать.

— «Храпят, аж пристань дрожит» — сообщил Семёничек.

Но меня опять взяло сомнение — сможем ли мы выгрести против такого сильного течения и об этом я сообщил Алотову.

— «Попробуем» — ответил он.

— «Как мы не выгребем! Конечно выгребем!» — самоуверенно кричал Семёничек.

Но — мы ему тут-же напомнили про басню с мухой и «мы пахали».

Решение было принято, поворота не было. Мы отвязали лодку и уселись. Алотов, как более сильный — с левой, я с правой, а Семёничек за руль.

Здесь необходимо описать эту лодку. Днепровская лодка не походила на наши чудные трубежские лодки. Это было огромное, неуклюжее, тяжелое чудовище, с такими толстыми и тяжёлыми вёслами, что грести нужно было только одним веслом, обхватив его обеими руками.

Оттолкнувшись от берега, мы начали грести, но течение у пристани было настолько сильное, а лодка настолько тяжела, что все наши усилия оказались тщетными. Мы сразу-же выбились из сил и — произошло то, чего я опасался.

Нас завертело, повернуло (не перевернуло — ибо такое чудовище не могла перевернуть даже волна) и — с бешеною быстротой понесло вниз по течению.

Но — никакой паники на нашем корабле не произошло.

— «Будь она проклята» — бросая весло закричал Алотов, — «пусть её несёт».

Нас несло по течению. Мы успокоились и снова принялись за весла. Нужно было выйти на середину Днепра, где течение было более спокойным. Но повернуть лодку и на середине Днепра мы были бессильны. Нас тащило всё дальше и дальше и только далеко внизу нам удалось наконец заскочить за вторую косу, которая лежала уже ближе к тому берегу.

Здесь течение было совсем спокойное, мы повернули лодку и пошли к берегу.

Отнесло нас версты на три. Мы слишком устали и решили тащить нашу лодку по берегу, до высоты нашей пристани.

В отличие от нашего низкого, но обрывистого берега, этот берег был совершенно пологий и мелкий.

Между водой и подошвами высоких гор лежало очень широкое пространство покрытое чистым, жёлтым песком. Ближе к подошве гор видна была дорога.

Горы были очень высокие, часто обрывистые, так, что снизу мы не могли видеть их верхушек.

Между горами лежали уютные зелёные долины, видны были хатки, поля и дальше лес.

Часто на верх вилась дорога. Наш берег был чуть виден, а наша пристань казалась малюсенькой ореховой скорлупочкой.

Долго мы тащили по берегу наше чудовище, пока не вышли на высоту нашей пристани, где Алотов хотел навестить своих друзей. Мы вытащили лодку на берег и направились в одну из долин. Здесь мы сразу убедились какой любовью пользовался Алотов. К нам начали сбегаться старые и малые. Все старались затащить нас в свою хатку и ко всем Алотов обещал зайти.

Это была уже Киевская губерния, для меня первая «заграница».

Всё выглядело здесь не так как у нас. Женщины были одеты пестрее чем у нас, мережки на рукавах и груди были так широки, что занимали почти весь рукав и грудь. Пестры были юбки или плахты. Говорили они тоже не так, как у нас и часто я плохо их понимал.

Как прекрасны и уютны были эти зелёные долины с белыми хатками. Хатки с красными или синими «призбами», с размалёванными окнами, стояли в вишнёвых садиках. Вот мы входим в одну из таких хаток. Слева — большая, ярко расписанная печь; прямо — широкий стол, покрытый вышитой скатертью. Пол (помост где спят) покрыт пёстрыми ряднами. В хате так чисто и уютно, пахнет мяты и гвоздикой.

Нам ташут молока, коржей, вишен и т. д. Мы переходим из одной хатки в другую и везде всё то-же. Наши животы постепенно начинают принимать форму турецкого барабана.

Но вот мы входим в одну хатку, здесь живёт очень древний старик, известный днепровский «рыбалка» и весьма замечательный человек, но его нет дома, он на ловле. В хатке такая-же чистота и уют и так-же пахнет мяты и гвоздикой.

Невольно думаешь: вот рай, вот здесь-бы жить!

Старушка чуть не плача встречает Алотова, усаживает нас за стол, тащит из печи тёпленький, жидкий, но удивительно вкусный борщ. В другой миске подает

тёпленькие пироги. Пироги небольшие из тёмного теста, с простой картофельной начинкой, но — ничего подобного я не едал еще, хотя наша сторона и славится пирогами.

Неудивительно, что старушка едва успевала подавать нам полные миски.

Стоя перед нами и подперев лицо рукой (как обычно) — бабка, вдруг, показывая на Семёна спрашивает:

— «Дак нешто оця дытыночка тоже рыбалка?»

— «Эта дытыночка рыбалка — на весь мир рыбалка» — уверяют мы бабку.

— «Дывысь ты! Господы Боже! И тож уродытся на свити отаке дыво» — наивно шепчет бабка. — «Кушай, моя дытыночка, кушай!»

Но тут Алотов уже не выдерживал:

— «Семён! Да перестань-же ты напихиваться как удав — лопнешь ведь!»

Но нам нужно спешить. Солнце уже зашло. Попрощавшись мы идем к нашей лодке. Теперь нам нужно протащить её вверх по течению, чтобы выйти к нашей пристани. Тащить лодку по берегу было не трудно, но наши животы до такой степени были набиты всякой всячиной, что просто трудно было двигаться.

Часто делая привалы, уже ночью, мы подходили к тому месту, откуда, по мнению Алотова, мы могли пуститься в обратный путь.

Чтобы набраться сил для предстоящего опасного плавания, решили отдохнуть и поспать часик, другой.

Откровенно говоря, меня очень беспокоило это ночное плавание. Но моя вера в Алотова была безгранична.

Уже ночью и, признаться, с лёгким трепетом, мы пустились в обратный, опасный путь.

Ночь была тихая, лунная, ясная, такая прекрасная как обычно на Днепре.

По Днепру шла не волна, но обычное в такую погоду как-бы полнообразное течение. Мы гребли наперевес течению. Семёнчик на руле получил приказ зорко следить за пароходами и баржами. Главная опасность была в том, чтобы не попасть под пароход или баржу. Мы — «не несли огней».

Но счастье и Алотов были с нами. Мы видели огни пароходов или барж далеко, далеко наверху или внизу.

Но эти ужасные весла! На руках выскочили уже волдыри; каждый взмах этого бревна причинял ужасные страдания. Вот сверху показались какие-то огни. Нужно крепче грести!

Теперь нашей задачей было попасть в то бешеное течение под нашим берегом, пересечь которое было делом безнадежным и опасным.

И, удивительно, очевидно под влиянием нервного напряжения мы и не заметили как шло время, но только, вдруг, выше нашего залива, как по расписанию, мы попали в наше течение.

Тут нужно упомянуть, что выше пристани Днепр образует колено и быстрое само по себе течение Днепра, переносит свой центр тяжести на наш берег. Этим и объяснялось бешеное течение нашего берега.

С быстротой стрелы пронеслись мы мимо нашего залива и мимо ярко освещённой пристани.

Но... О ужас! Вдруг — мы заметили Михайла. Он бежал вдоль берега, впереди нас. Сышен был его ужасный рёв, а на ясном небе видны были его могучие, грозные кулаки...

Мы подлетели к берегу по всем правилам морского искусства. Как раз там, где танцевал взбесившийся Михайло — мы так и врезались в берег...

— «Гу-у-х! Вот как! Как адмирала привезли! Смотри Михайло — вот какой с меня рулевой» — наивно хвастнулся Семёнчик.

— «Вкрали лодку! Вкрали лодку! Втопыльсь!» — неистово ревел Михайло.

Будто выскочивший из берлоги взбесившийся медведь, он прыгал с одной ноги на другую, грозил в небо кулаками и ревел на весь Днепр:

— «Вкрали лодку! Втопыльсь!»

— «Кто утопился? Кто украл твою лодку? Чего ты кричишь — сомов в Днепре пугаешь?» — храбро встречали мы нападение Михайла.

С трех сторон, мы пичкали ему под нос коржи, вишни, пироги, привет от кумы с глечиком любимого им кислого молока, но ничего не помогало.

У Михайла начинался приступ «свирипения».

Он начинал бросать на землю свою матроску, в исступлении топтал её ногами и при этом ревел на весь Днепр:

— «Пошли вон из Днепра паскудни поросята, шоб вашого духу тут не бывало... Сейчас бижу до тьётушки, она понабывает вам с...ки».

Поразительно остроумный и очень вежливый Семёничик, каждый раз поспешно подымал матроску и подавая её Михайлу приговаривал:

— «Шапочка-с!».

Михайло вырывал её из рук... снова бросал её на землю. Семёничик опять быстро подымал её:

— «Шапочка-с! Жалко! Может ещё пригодится на ричке-окияне!»

Мы разражались гомерическим смехом и снова пичкали Михайлу под нос — пироги, молоко и вишни.

— «Кума говорила, чтоб глечик передал-бы на тот берег» — не забывали мы напоминать Михайлу.

Воспоминание-ли о куме, наш-ли весёлый смех или-же Михайлова радость, что с нами действительно ничего страшного не случилось, но только, постепенно, как Днепр после бури, он начинал успокаиваться. Вот Михайло уже откусил половину пирога, но — вдруг опять, как-бы вспомнив какую-то старую и глубокую обиду, он снова начинал реветь:

— «Вкralы лодку! Втопыльсь!»

— «Да перестань-же ты Михайло! Стойт твоя проклятая лодка! Её у тебя за деньги никто не украдёт. Да и никто не утопился».

— «Моглы втопыться» — сердито настаивал Михайло.

— «Ну вот когда утопимся, тогда и будеш кричать» — резонно возражали мы ему.

— «Голубчик Михайло — пожалуйста не кричи, у меня от твоего крику живот начинает болеть» — молил Семёничик держась за свой вздувшийся живот.

Через полчаса Михайло мирно лежал с нами у костра, попивал чай с коржами и опять рассказывал нам о «кытайцах», о «ричке окияне» и о том, где и когда возил он грозных адмиралов.

Но тут, вдруг, начиналась история с Семёничком. Обхватив свой живот он начинал стонать и плакать...

— «Ох мой животик! Ой моё пузинько! Ой умру... ой, ей-Богу, умру...»

— «Ну это положим врёшь брат!» — поправляли мы его — «перед смертью говори правду! Не пузинько — но пузице свиное обжорное».

История принимала скверный оборот. Семёнчик действительно страдал. С суровой серьёзностью будущего врача, Алотов принимался за лечение Семёнчика, массаж и т. д.

— «Я говорил тебе, что ты лопнешь!»

— «Ей-Богу, честное слово, никогда не буду есть пирогов с картошкой» — молил Семёнчик.

— «Дело не в пирогах» — сухо замечал Алотов, «но в твоём обжорстве».

Мы укладывали Семёнчика в так называемую постель и укрывали его Михайловым полуушубком. Он долго и зверски чихал и... вдруг засыпал...

— «Спит» — кратко по-докторски констатировал Алотов — «здоров».

В эту ночь мы сомов не ловили, на пароходы не бегали и Алотов ночью никуда не исчезал.

Теперь поговорим о сомах. В моё время в Днепре водилось много сомов. Попадались разные: маленькие и большие. Бывало проснёшься ночью, смотришь — висит сомик или сомочек. С большими сомами дело, разумеется, обстояло иначе. Вытащить такого сома было не так просто, чаще, бывало, вытаскиваешь шпагат с обломанным крючком или крючек с оборванной соминой губой. Но, в Днепре водились и великаны и вот об этих сомах и рассказывали много «страшных историй».

Рассказывали — будто такие сомы бросаются на людей, особенно на детей; будто ударами хвоста они сбивают с ног подошедшую на водопой скотину и тому подобные «страшные истории».

Спрашенный по этому поводу Алотов ответил кратко:

— «Бабы врачи».

Но в горячей дискуссии с Михайлом, утверждавшим, что только несколько дней тому назад сом опять сбил на той стороне телёнка и он исчез в Днепре, Алотов согласился, что и его приятели старики, днепров-

ские рыбалки, рассказывали ему о подобных случаях. Но Алотов объяснял эти случаи «цепью побочных случайностей».

Откровенно говоря, я до сего дня не понимаю этого «научного» объяснения Алотова. С цепью или без цепей — но значит такие случаи бывали. Следовательно: верить или не верить?

Во всяком случае Михайло — строго на строго запретил нам и даже я должен был «побожиться», что ночью в Днепре мы купаться не будем.

И вот случились с нами две истории: одна страшная и ужасная — другая обидная и позорная.

Героем первой был Семёныч; второй — я.

Дело в том, что сомы брали только ночью и для этого нужно было или не спать целую ночь, или же обладать таким чутким сном, чтобы услышать звон колокольчика.

Не спать Семёныч не мог, слишком много энергии тратил он за день; что-же касается чуткости его сна, то как раз над его ухом можно было палить из пушки — он всё равно не услышит.

И вот — стало этому малышу обидно, что я с Алотовым тащим ночью сомов, а он должен был довольствоваться вечерними сомиками.

Вечером он с плачем молил нас разбудить его, но — будить Семёныча было тоже самое, что попытаться разбудить один из стволов плота.

И вот он придумал такой фокус: привязал шпагат за большой палец своей ноги, в надежде, что если сом возьмёт, то потащит его за ногу и он проснётся.

Я не знаю, когда он начал такое привязывание, но удивительно то, что так и случилось как он задумал.

Было под утро. Начинало сереть... Я проснулся от страшного крика... «Сом»... «Сом»...

Я видел Семёныча ещё на плоту... Вдруг — всплеск воды и он... исчез... Совершенно исчез... нет Семёныча!

Вот из воды показалась его голова и опять страшные, душу раздирающие крики: — «Сом! Сом!»

Я оцепенел... Мелькнула страшная мысль — сом схватил Семёныча...

В ужасе, ничего не соображая, так, как был в одежде — я бросился в воду... Вот впереди меня, вдруг, опять показалась голова Семёныча... Вот он заме-

тил меня... Вот он вытянул руку из воды и... закричал:

— «На... тяни... вот сволочь...»

О Боже! Тут я понял в чём дело. Семёнчик в воде тащил сома — сом тащил Семёнчика. Сом был сильнее и тащил его как буксир баржу и... прямо в Днепр.

Вдруг... у меня застыла кровь... Семёнчик приближался к водовороту... вон там видно уже волну его края...

— «Брось шпагат!... Брось шпагат! Паскудный мальчишка...»

Подплыв к нему я дал ему пару крепких подзатыльников.

— «Греби назад! Греби назад! Дрянь ты этакая...»

Благодаря только тому, что мы действительно плавали как рыбы, а также крепким моим подзатыльникам и подталкиваниям, мы избежали несчастья.

С последними силами я вылез на плот и свалился в изнеможении. Потрясение было настолько сильное, что я не имел даже сил, чтобы выругать, не говоря о том, чтобы выдрать этого паршивого мальчонка.

Только придя в себя я спросил его: — «Знаешь ты, что случилось-бы с нами если-бы нас понесло под пристань?... нам разбило-бы головы»...

На это мерзкий мальчишка ответил:

— «Я повернулся-бы спиной, пускай бьет в спину»...

Но у меня и тогда не было сил пояснить ему наглядно, ниже его спины, что могло-бы случиться с нами.

Этот случай мы сначала скрыли от Михайла, но Алову я рассказал, как только он явился. Аловов молча выслушал и так-же молча влепил Семёнчику пару хороших подзатыльников.

Потом мы разобрали этот случай. Очевидно сом долго мучился пока разбудил Семёнчика. Проснувшись Семёнчик вскочил на ноги, подошёл к краю плота и начал наматывать шпагат на руку. Но — в это время сом уже рассвирепел и так дернул, что Семёнчик кубарем полетел в воду.

Что он не ударился головой об плот — это была случайность, но — что он не захлебнулся в воде и успел

отвязать свой палец, то это уже нужно отнести только к кошачьей натуре этого забавного мальчишки.

— «Да Вы его в океане топите, всё равно не утопите» — утверждал умный, наблюдательный Алотов.

Михайлу мы рассказали эту историю только на другой день, когда она уже казалась нам очень смешной. Но против ожидания Михайло не понял шутки. Он начал вдруг реветь и свирепеть, но к счастью дело кончилось только тем, что он прогнал нас с первого плота.

Дома, через «милых приятелей» — извозчиков узнали об этом поздно. Каникулы кончались, сестры и я собирались к отъезду и в доме царила тень печальной разлуки.

Но — как я узнал позже, Семёнчик получил от тёtti свою порцию, да такую, что его потом день и ночь искали по всей Оболони.

Кошку тоже, если её выдрать хорошенъко, то она надолго убегает из дома и прячется.

Теперь моя история. Случилось это через год или два после приключения с Семёнчиком.

Был поздний вечер. Солнце уже зашло и мы собирались прекратить вечернюю ловлю. Я быстро поджарил кусочек сала и насадил его на сомовую удочку №, не имея времени размотать легкий номер.

Забросил я на щуку. В это время, ни один уважающий себя сом «не выходит на улицу». По воде болтается только всякая дрянь, да шальные обжорные щуки.

Не успел я отойти, вдруг зазвонил колокольчик. Я потянул... Есть! О, думаю — громадная щука... Шпагат так и врезался в руку. Но... нет, это не щука... Щука попав на крючек мечется стрелой как оголтелая, это-же давит вниз...

Вот — думаю — дурной лещ полез на сало... Но... нет! Да ведь это сом... О!... и какой сом! Да это сомище!...

— «Семёнчик! Родной брат твоего сомика здесь!...»

Начинаю тащить... идёт... Вот я подвёл его почти к плоту... Вдруг... из воды как плеснёт чудовище... как дёрнет... Я чуть не полетел в воду...

Но — теперь мы умные! Быстро заматываю шпагат за плот... пусть погуляет...

Вдруг... весь плот идет ходором... Вот чудовище! Начинаю опять тащить...

Но этот назойливый Семёнчик!

— «Уходи прочь! Пошёл вон!»

Он весь дрожит... Он как собачка вертится вокруг меня... хватает за шлагат то с одной стороны, то с другой...

— «Пошёл вон! Уходи!»

Вот я опять подвёл сома к плоту... снова всплеск, снова из воды мелькает чудовище и снова мы оба летим вниз на плот... просто носами...

Семёнчик, как кошка, уже на ногах и уже сам тянет шлагат...

— «Пошёл вон — паршивый мальчишка.»

Но он пришёл в такое возбуждение, что слышен треск его зубов.

Дальнейшие события можно объяснять различно.

Я утверждал, что хотел избавиться от Семёнчика и послал его за Михайлом. Мои-же соперники в городе, во главе с хромым сапожником Максимом утверждали, что я испугался сома.

— «Позови Михаила» — крикнул я Семёнчику.

Пока прибежал Михаило прошло 20-30 минут. Всё это время я безуспешно мучился с сомом.

Страшный рёв возвестил о приближении Михаила. Он думал, что со мной произошло что-то страшное, ужасное. С ним прибежал ещё молодой матрос.

Но — и страшные руки Михаила не могли ничего поделать с этим сомом. Вытащили его только тогда, когда молодой матрос оглушил сома ударами здоровенной дубины.

Это действительно было чудовище, больше Семёнчика.

Торжественно — мы отнесли его на пристань. Там его взвесили и измерили. Прибежал Алотов.

Этого момента я боялся. Что скажет Алотов?

— «Без багра Вы не могли его вытащить», — сказал Алотов.

Я чуть не расплакался. Алотов снял с меня бремя позора.

Но — это не спасло меня от насмешек наших соперников — врагов в городе. Заметив, что мы идём на

рыбную ловлю, за нами бежала толпа мальчишек и кричала:

— «Эй рыбачки! Может вам рыбку помочь тащить?»

Ах, как мне было стыдно и как я ненавидел тогда этих мерзких мальчишек.

Но — Семёничек реагировал на эти оскорблении иначе.

Защищая мою честь, как благородный, преданный рыцарь, он немедленно вступал в бой с этими дерзкими мальчишками и — сразу-же пускал в ход своё «страшное оружие».

Его карманы почти всегда были полны живыми лягушками, его обычным оружием в борьбе с врагами и — постоянной причиной страдания известной части его тела, если тётушке удавалось находить их в его карманах или-же по уголкам его комнаты, где он иногда хранил необходимые запасы этого оружия.

Рассматривая этого сома на пристани я спросил Алотова: — «бывают-ли ещё большие?»

— «О, да! Это хороший сом, но встречаются значительно крупнее».

И... мне удалось видеть такого сома-великаны и что ещё более удивительно — не в Днепре, но в... Трубеже...

Помню я был на ловле где-то на Оболоне, когда «негритянский телеграф» сообщил мне о каком-то важном событии на нашей мельнице. Когда я прибежал на мельницу, то увидел на гребле толпу народа с топорами и вёдрами. Посреди гребли лежал огромный сом. Часть его была уже отрублена и куски мяса лежали в вёдрах, как говорили — свиньям на кормёжку. Это было огромное чудовище, значительно больше моего. Страшно было смотреть на его пасть.

Как попал он под мельницу — живым или дохлым, как и кто его вытащил — подробностей не помню.

Сколько могло быть ему лет? Где он жил? Вероятно — в одном из глубоких и опасных омутов Капцевичевой гребли.

Разумеется, никто не измерял и не взвешивал его. И так, без особых научных церемоний в 1911-12 годах переяславльские свиньи съели очень интересный — «Силуридаический факт».

Но переяславльские мальчишки долго ещё хранили этот «факт» в своей памяти. Долго этот сом служил им страшилищем и долго ещё они полоскались только у бережка, боясь поплыть дальше.

— «Сом!» — бывало крикнет кто-нибудь и они в панике и голышём, как мыши, удирали от реки.

Ну — и мы с Семёничком тоже чут-чуть притихли и на время прекратили наши ночные купания.

До этого дня, в полночь, в лунную ночь, прыгнуть под колесо водяной мельницы «в шум» — было нашим разлюбезным удовольствием.

Но вернёмся на Днепр. Это уже наша пятая ночь. Ночные извозчики привезли нам «привет» из дома, а именно: грозный приказ тётушки:

— «немедленно явиться домой, в противном случае она явится лично и разгонит и нас и всех сомов в Днепре».

Получив такое «привествие» Семёничек снимал с себя рубашку, одевал её как юбку и под ржанье извозчиков изображал как тётушка разгоняет сомов и нас с Днепра.

Но — шутки шутками, а тётушка не Михайло. С тётушкой «каши не сваришь».

Нужно собираться домой. Кроме «привета», нам из дома ничего не передали. Наши припасы давно кончились. Мы питаемся извозчичими подаяниями. Каша уже не лезет в рот. Да и устали мы. Спать пять ночей на кольях, как индийские факиры — это не так просто. Болит каждый суставчик тела.

Но хочется ещё раз увидеть Днепр. Хочется ещё раз полюбоваться этой божественной картиной.

В это утро мы кончаем раньше рыбную ловлю. Собираем жалкие остатки нашего багажа: уцелевшую удочку, наши одеяла, пустые мешки и последний улов.

— «Как, Вы не идёте с нами домой?» спрашиваем мы Алотова.

— «А чего мне дома? Я на тот берег.»

Мы идём провожать Алотова за пристань, далеко к косе. На берегу он раздевался, свёртывал каким-то удивительным образом своё жалкое одеяние, еще более удивительным манером привязывал его себе на голову и за шею и простиившись с нами — бросался в Днепр.

Вот его подхватило бешенное течение и понесло ...

Вот он исчез... Но вот мы видим как он тяжело бредёт по косе... Опять исчез... — «Вот он!» — кричит Семёничик. Далеко, далеко в волнах видно точку... Вот она исчезла...

— «Выплывет-ли?» — думал каждый из нас.

— «Вот-же отчаянный!» — шептал в умилении Семёничик.

Мы идём к пристани прощаться с Михайлом.

Заспанный, почесывая свою седую, богатырскую грудь — Михайло спрашивает:

— «Шож Алотов поплыv?»

— «Да поплыл».

— «Отож окаянный.»

— «Дак вы — того як його — вы уже поклоняйтесь там тётушкам, а мы, обратно-же, тоже как ныбудь прыйдем».

— «Поклоняемся, поклоняемся! Приходи Михайло только «обратно-же» ты там не болтай тёткам. Мы больше не будем красть твоей лодки».

— «Отож! Дак и вы прыходьте. Скушно без вас... Хоть посерчаеш...»

Разумнее было-бы возвращаться домой тоже ночью, но какой-же рыболов откажется от утра на Днепре.

Первую половину дороги мы проходили легко и даже с редкими привалами.

Утро тихое, ясное, но около полудня начнётся жара и нужно спешить.

Около одиннадцатого часа нас догоняют извозчики везущие с пристани пассажиров. Едет их много, фаэтонов 10-15.

Две маленькие почтовые лошадки тащут грязный, оборванный, бывший когда-то фаэтон. Но видны только лошадки, самого фаэтона не видно, он весь завален узлами, корзинами и людьми. В этой куче трудно разобрать где человек, где лошадь, где узел.

Вот они догоняют нас. Впереди наш приятель весельчик Юхим.

Начинаются «милые» приветствия:

— «Эй! рыбачки — рыбальчики! Рыбку удят, а обедать нечем будут! Садись подвезём, денег не возьмём! Чорту в зубы завезём!..»

На «милые приветствия» мы отвечаем такими-же, по пословице: «милые бранятся — только тешатся».

— «Дрянь Юхимка — ты чортова балалайка... Ты куда-же нагрузил столько... чтоб тебя черти на том свете дохлыми кобылами так нагрузили... Ирод ты лошадиный...»

А вот и Кондрат — друг моего раннего детства.

— «Сенька веретенька... садись подвезу... кобыле на хвост привяжу... Ты ведь лёгонький»...

На это следовала тирада Семёна:

— «Ты Кондрат — свиньям брат, поросятам дядко... Поцелуй ты свою кобылу в хвост — скорей довезёт тебя до твоей Гапки...»

Ах... вот и Йоська!

— «Ну...у! То шож... то вже миняемся... ви ми-не щукэ — я вам моя рябая кобыла... Ну... у! Шож не хотите, ну то нехай жавоняется вам ота ваша щукэ... Пхе...»

— «Ой дурной же ты Йоська! Да ты свою рябую кобылу понюхай... Да мы тебе ерша за неё не дадим... Поменяйся с Кондратом на вошу...»

Ах!.. Смотрите!.. вот и Монька!!!

— «Мо...о...нька! Монька!!! Ты чего спиш — чорт ты голопузый... пассажира потерял»...

Случалось... вдруг из фаэтона высовывалась «личность»... Удивленно, но очень вежливо здоровалась с нами и... многозначительно покачивая головой приговаривала:

— «Не хорошо-с! Не хорошо-с!»

— «Вот этого усатого чорта я и не заметил за узлами» — шептал Семёнчик и... инстинктивно почесывал сзади то место, которому, без сомнения, предстояло «большое будущее». Ибо этот «усатый чорт» был одним из тётушкиных приятелей.

Но вот мы опять одни. Хотя мы и идём в тени густо обсаженной дамбы, но жара уже даёт себя чувствовать. Наши привалы делаются частыми. Семёнчик сдаёт как-то сразу. Много энергии он истратил на приветствия друзей извозчиков. Он плетётся далеко позади меня и отстаёт всё дальше и дальше...

— «Ты чего-же ползёшь как старая вошь! Не можешь итти по человечески»...

Но он уже не может итти. Не помогают ни просьбы ни угрозы. Мой герой начинает плакать.

— «Давай заснем... хоть одну минуточку».

Но я знаю его минуточки, я знаю, что разбудить его не сможет никакая сила в мире. Нужно заставить его итти дальше.

Забрав у него багаж и обхватив его за пояс я ташу его дальше...

И вот я вижу странное явление: человек спит, буквально спит и только передвигает ногами.

Все мои мысли сосредотачиваются на том, чтобы дотащить его до киевского шоссе, где можно будет найти подводу. И эта последняя верста, это моя «вия долороса».

Но у меня у самого не хватает сил. Оставив спящее тело я иду к киевскому шоссе выглядывать подводу. Но в это время — как на зло — все подводы едут из города и ни одна в город.

Но вот вдали показался дядько. Ах! Как он медленно едет! Я едва стою на ногах.

Уговорить дядька не трудно. Мы грузим спящее тело на подводу и трогаемся. Я пробую итти за возом, но чувствую, что дальше не могу. Забыв о «позоре» я вскакиваю тоже на подводу.

Наконец мы дома. Семёнчика выгружают и укладываются, на этот раз, в настоящую постель.

Я не хочу ни есть, ни пить, ни обедать — только спать, спать... спать...

Мы просыпаемся только на другой день утром. Бодрые и весёлые, готовые к новым подвигам и приключениям.

Наде:

О колыбель моей жизни святая
О моё детство пора золотая...
Здесь в этой детской росла я, играла
Здесь в этой спальне спала я, мечтала
Тихое светлое счастье казалось
Каждое утро со мной просыпалось...

Коля Л—ов
Мой друг поэт.

Цена 1 доллар

Издательство и склад книг:

RAUSEN BROS.

142 East 32nd Street
New York 16., N. Y.